

И. Р. ГАЛЬПЕРИН
О ПОНЯТИИ «ТЕКСТ»

В последнее время лингвистика наряду с изучением природы и функционирования отдельных предложений, а также механизмов порождения речевых актов, занимается также изучением природы и функционирования отрезков речевых произведений более крупных, чем предложение. Вслед за работами Пешковского, Поспелова и Булаховского, в которых таким единицам уделено большое внимание¹, появились новые работы, посвященные проблеме сложного синтаксического целого (сверхфразового единства), а также абзацу (принято считать, что они различаются своими характеристиками)².

Все чаще раздаются голоса в пользу рассмотрения отрезков более крупных, чем предложения, в качестве объекта лингвистического исследования³. Некоторые лингвисты прямо утверждают, что «...основной единицей языка в его употреблении является не слово, не предложение, а текст ... исследование языка как «текста» — это теоретическая проблема, не менее интересная и актуальная для лингвистики, чем психолингвистические исследования...»⁴. Говорится о том, что «текст должен быть альфой и омегой лингвистического исследования»⁵.

Тем не менее наблюдается стремление избежать анализа крупных отрезков и даже прямой отказ признать за этими отрезками статус единицы языка. Однако исследования ясно свидетельствуют о том, что если абстрагироваться от конкретных речевых воплощений, то в отрезках, больших, чем предложение, оказываются свои типологические закономерности, возводящие их в ранг единиц языка. Любое абстрагирование, в данном случае — над природой и функционированием сверхфразовых единств, пло-

¹ А. В. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, М., 1934; Н. С. Поспелов, Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке, «Уч. зап. [МГУ]», 137, кн. 2, 1948; Л. А. Булаховский, Курс русского литературного языка, I, Киев, 1952, стр. 392.

² Здесь назовем: Н. И. Серкова, Сверхфразовое единство как функционально-речевая единица. АКД, М., 1968; В. В. Суренский, Логико-синтаксические отношения между предложениями, «Р. яз. в шк.», 1949, 2; Г. А. Вейхман, К вопросу о синтаксических единствах, ВЯ, 1961, 2; Н. А. Турмачева, О типах формальных и логических связей в сверхфразовом единстве. АКД, М., 1973; И. Е. Себецо, Структура связанного текста и автоматизации реферирования, М., 1969; N. E. E n k v i s t, Style in some linguistic theories, «Literary style: A symposium», London — New York, 1971; N. E. E n k v i s t, Linguistic stylistics, The Hague, 1973, стр. 51—66; R. O h m a n n, Literature as sentences, сб. «Essays on the language of literature» New York, 1971, стр. 232—233.

³ См., например: R. J a k o b s o n, Linguistics and poetics, сб. «Style in language», New York — London, 1960; В. М. Павлов, Противоречия в языке, сб. «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания», М., 1970, стр. 93; E. В u s s e n s e, La communication et l'articulation linguistique, Bruxelles, 1967 (работа, в которой, по утверждению В. Г. Гака, убедительно доказано, что подлинной семиотической единицей языка является высказывание, см.: В. Г. Гак, Язык и речь в двуязычных словарях, сб. «Slovo a slovník», Bratislava, 1973).

⁴ M. A. K. H a l l i d a y, Language structure and language function, сб. «New horizons in linguistics», London, 1971, стр. 145.

⁵ H. W e i n r i c h, The textual function of the French article, сб. «Literary style: A symposium», стр. 22.

дотворно лишь тогда, когда накоплен достаточный опыт наблюдений. Уместно привести замечание Ф. П. Филина: «Степени абстракции могут быть самыми различными, однако при любой степени абстракции языковед остается языковедом только в том случае, если он не отрывается от реальных свойств языка во всей их сложности и противоречивости»⁶. Само возникновение терминов «сверхфразовое единство», «сложное синтаксическое целое», «синтаксические единства», а также понимание термина «абзац» как семантико-синтаксической единицы свидетельствуют о том, что существование этих явлений уже осознано как лингвистический факт. Дело лишь за тем, чтобы определить их компоненты, эксплицитные и имплицитные типы связей между компонентами, приемы выделения этих единиц в более крупных отрезках текста и, наконец, средства связи и перехода от одной такой единицы к другой. Вот слова С. Д. Кацнельсона: «Лингвистическая структура целостных текстов еще почти не изучена. Вряд ли приходится сомневаться в том, что кроме „малого синтаксиса“, определяющего формы связи между словами в предложении, существует и «большой синтаксис», отображающий связи между предложениями и речевыми единицами сверхфразового формата»⁷.

Единства, большие, чем предложение, в основном характерны для письменного варианта литературного языка. Только в этом варианте расчлененность, эксплицитно выраженная графически, является следствием сознательной литературной обработки текста.

В связи с этим следует напомнить о тех существенных признаках, которые определяют различия между письменным и устным вариантами языка.

В результате длительного процесса формирования письменный вариант языка выработал особенности, которые постепенно приобрели статус системности. Это было отмечено как лингвистами, так и художниками слова. Еще Пушкин говорил, что письменный язык не должен отречься от того, что приобретено им в течение веков, и писать только языком разговорным значит не знать языка.

О недооценке фактов системного обособления письменного варианта языка свидетельствуют, например, такие высказывания: «Письмо — это не язык, но всего лишь способ фиксации языка с помощью видимых знаков... мы всегда должны предпочитать слову написанному слову звучащее»⁸. Дж. Лайонз хотя и считает, что свою точку зрения Блумфилд изложил в излишне категорической форме, все же признает ее правильной: «... с необходимыми поправками, — пишет он, — положение это несомненно правильно»⁹. Точка зрения Блумфилда не исключение. Она нашла особенно яркое выражение в работах дескриптивистов, где звучащая речь рассматривается как единственно реальное существование языка, хотя некоторые из этой группы ученых, например Г. Глисон, признают существование самостоятельного письменного языка¹⁰.

Естественно, что признание за письменным языком права на самостоятельное существование отнюдь не означает полной автономии этого варианта языка. Хорошо известно взаимодействие устного и письменного ва-

⁶ Ф. П. Ф и л и н, О некоторых философских вопросах языкознания, сб. «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания», М., 1970, стр. 19.

⁷ С. Д. К а ц н е л ь с о н, Типология языка и речевое мышление, Л., 1972, стр. 119.

⁸ Л. Б л у м ф и л д, Язык, М., 1968, стр. 35—36.

⁹ J. L y o n s, Introduction, сб. «New horizons in linguistics», стр. 18.

¹⁰ См.: Г. Г л и с о н, Введение в дескриптивную лингвистику (здесь прямо утверждается, что ораторская речь представляет собой не что иное, как устный вариант письменного английского языка), М., 1959, стр. 433—434.

риантов. Оно по-разному проявляется в разные периоды развития литературных языков и у разных народов. Здесь важно обратить внимание на факт расхождения, а не сближения этих двух вариантов. Ж. Вандриес писал, что «расхождение между языками письменным и устным становится все больше и больше. Ни синтаксис, ни словарь о б о и х я з ы к о в (рядка моя. — И. Г.) не совпадают. Даже морфологии различны: простое прошедшее, прошедшее несовершенное сослагательного падежа уже не употребляются в устном языке»¹¹. То же утверждал и А. Потебня: «... возникает различие между письменным и устным языком гораздо большее, чем то, которое до письменности было между относительно архаичною речью мерной песни, пословицы, заговора и немерным просторечием. К различным грамматическим присоединяются лексические и синтаксические...»¹². Эти различия все больше и больше осознаются. Противопоставляются и такие категории, как ясность, точность — и двусмысленность. Так, И. Вахек считает, что «письменный язык стремится к ясности и недвусмысленности знаковой системы»¹³. Можно привести многие другие высказывания отечественных и зарубежных лингвистов о различиях между этими двумя вариантами языка¹⁴.

Отдельные замечания о различиях между письменным и устным вариантами языка, однако, не заменяют конкретного исследования, имманентных категорий каждого из вариантов. Дать их адекватное описание пока не представляется возможным. Как это ни парадоксально, устная разновидность, в своем характерном воплощении нерасчлененная и эфемерная, в последнее время значительно более глубоко и разносторонне освещена в лингвистической литературе, чем письменная в ее характерных составляющих¹⁵. Очевидно, это можно объяснить стремлением восполнить пробел в изучении устной речи, который образовался в связи с укоренившейся традицией рассматривать письменный текст как единственный объект изучения.

Релевантные характеристики письменного варианта, представленные графически, различаются в формально-структурном плане; может показаться, что они четко определяются и в плане содержания. Однако это не совсем так. Исследование текста в семантико-структурном плане показывает, что здесь еще много белых пятен.

Характерными признаками устного и письменного вариантов языка являются диалог и монолог. Та либо другая форма языкового общения вызывается экстралингвистическим условием — наличием или отсутствием собеседника. И та и другая форма являются закономерными порождениями различных по своему существу творческих процессов. Представляется спорным утверждение Л. В. Щербы о том, что «монолог является в значительной степени искусственной языковой формой... подлинное свое

¹¹ Ж. В а н д р и е с, *Язык*, М., 1937, стр. 253.

¹² А. П о т е б н я, *Из записок по теории словесности*, Харьков, 1905, стр. 144.

¹³ И. В а х е к, *К проблеме письменного языка*, сб. «Пражский лингвистический кружок», М., 1967, стр. 533.

¹⁴ См., например, работы В. В. Виноградова, А. С. Боголюбова, Н. Ю. Шведовой, Н. Д. Арутюновой, В. Матезиуса (и других членов Пражского кружка), Н. Э. Энквишта, С. Четмена и многих других, где упоминаются эти различия (в монографиях и в виде отдельных замечаний).

¹⁵ Из отечественных работ последних десятилетий, посвященных анализу разговорной речи, нужно упомянуть следующие: Н. Ю. Шведова, *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*, М., 1960; О. А. Липтева, *Изучение русской разговорной речи в отечественном языкознании последних лет*, ВЯ, 1967, 1; Ю. М. Скребяев, *Общелингвистические проблемы описания разговорной речи*, АДД, М., 1971; Т. М. Николеева, *Новое направление в изучении спонтанной речи*, ВЯ, 1970, 3; «Русская разговорная речь», М., 1973; Н. Д. Андреев, Л. Р. Зиндер, *О понятиях речевого акта, речи, речевой вероятности и языка*, ВЯ, 1963, 3.

бытие язык обнаруживает лишь в диалоге»¹⁶. Эта мысль перекликается с ранее цитированными положениями о том, что письменный язык является искусственным, графическим изображением устного и что он лишен своих естественных форм существования.

Противопоставленными признаками устного и письменного вариантов являются: для устной речи — разговорная лексика и фразеология, краткость, эллиптичность, непоследовательность, обрывистость, бессоюзие и наличие паралингвистических средств; для письменной речи — литературно-книжная лексика, распространенность высказывания, законченность, логическая последовательность, синтаксическая законченность, развернутая система связующих элементов, средства графической актуализации.

Таким образом, исследовательская мысль прошла несколько стадий. Отталкиваясь от известных, веками освященных традиций рассмотрения письменного языка как единственного объекта лингвистического анализа (первая стадия), ученые пришли к необходимости проникнуть в онтологическую сущность устной речи, познать механизм ее порождения и функционирования (вторая стадия) и, наконец, приступили к более глубокому анализу признаков и характеристик письменного варианта языка (третья стадия). «Можно без колебаний признать, — пишет И. Вахек, — что до тех пор, пока язык реализуется лишь в устных высказываниях (т. е. пока данный языковой коллектив еще не произвел никаких письменных высказываний), акустическая субстанция не привлекает внимания и остается в тени, поскольку рассматривается как нечто несущественное... но как только в языковом коллективе появляются первые письменные высказывания, языковая субстанция, воспринимаемая до тех пор как несущественная, необходимо начинает в той или иной мере осознаваться»¹⁷. Примечательно, что многие понятия, применяемые при изучении речи, возникли из анализа письменного текста (ср.: «прямая речь», «несобственно прямая речь»).

Новый интерес к письменному варианту языка выразился в появлении работ по анализу текста. Возникла особая отрасль языкознания, получившая громкое и претенциозное название — лингвистика текста¹⁸. Однако слово «текст» пока не получило терминологически однозначного характера. Под это понятие подводятся разные композиционно-структурные и смысловые параметры самых разных объектов. Некоторые исследователи считают, что нижним пределом текста являются два слова, а его верхнего предела вообще не существует. Попытки филологов дать более или менее точное определение этого понятия пока неудачны, но из разнообразных определений можно вывести одно — весьма общее, неконкретное, но и непреложное, а именно: текст — это целенаправленное речевое произведение, состоящее из неопределенного количества грамматических структур (предложений) и при этом имеющее определенный смысл, в той или иной

¹⁶ Л. В. Щербач, Восточно-лужицкое наречие, I, М., 1915, стр. 3—4.

¹⁷ И. Вахек, указ. соч., стр. 531.—532.

¹⁸ См.: сб. «Textlinguistik», 2, Dresden, 1971; сб. «Methods and theory in linguistics», ed. by Paul L. Garvin, The Hague — Paris, 1970; сб. «Zur linguistischen Analyse der Textstruktur», 8, 1972; Т. Тодоров, The place of style in the structure of the text, сб. «Literary style: A symposium»; Ю. М. Лотман, А. М. Пятгорский, Текст и функция, «Тезисы летней школы по вторичным моделирующим системам», Тарту, 1968; Ю. М. Лотман, Структура художественного текста, М., 1971; А. Е. Сулрун, Язык — речь — текст, Алма-Ата, 1966; И. Р. Гальперин, Текст и исполнение в дихотомии «язык и речь», «Тезисы конференции „Язык и речь“», Тбилиси, 1971; В. В. Виноградов, Лингвистические основы научной критики текста, ВЯ, 1958, 2, 3.

степени отличный от смысловых показателей этих грамматических структур.

Прежде чем мы попытаемся полнее определить это понятие, необходимо разграничить термины «текст» и «контекст». Контекст — это понятие экологическое. Обычно его пределы устанавливаются произвольно, с целью наблюдения, анализа и конкретизации особенностей языковых фактов, являющихся объектом исследования. Таким образом, контекст — это лингвистическая ситуация. В связи с таким пониманием возникают понятия: минимальный контекст, макроконтекст, сверхконтекст или язык эпохи¹⁹, грамматический контекст, синтаксический контекст, лексический контекст²⁰, творческий контекст, материальный и функциональный контекст²¹; стилистический контекст и другие «контексты». Происходит детерминологизация: понятие «контекст» приравнивается к понятию «среда». Все эти «контексты» не имеют ничего общего с понятием «текст».

Наблюдения над различными видами текстов в различных стилях языка, разного объема и содержания, преследующих разные цели сообщения, заставили автора этих строк попытаться дать наиболее обобщенное, типологическое определение текста, отнюдь не претендующее, однако, на неувязимость:

Текст — это сообщение, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, состоящее из ряда особых единств, объединенных разными типами лексической, грамматической и логической связи, и имеющее определенный модальный характер и прагматическую установку. Таким образом, под текстом здесь предлагается понимать не фиксированную устную речь, в которой чаще всего проявляются черты спонтанности, неорганизованности, непоследовательности, а особую разновидность языкового творческого акта, имеющую свои параметры, отличные от параметров устной речи.

Важно иметь в виду, что устная речь имеет лишь звуковое воплощение, рассчитанное на слуховое восприятие. Она только линейна. Поступательное движение даже замедленного темпа сообщает устной речи нестабильность и дает возможность относительно свободно пользоваться разными неустоявшимися моделями языка. Всякая запись звучащей речи, магнитофонная или графическая, представляет речь в виде снятого момента. Если речь — это движение, процесс, то, будучи фиксированной, она прекращает движение и, как всякий снятый момент, предстает в каком-то другом качестве. Одно из новых качеств фиксированной устной речи — возможность быть подвергнутой анализу. Наблюдения над ее дискретными характеристиками, их взаимозависимостью, взаимообусловленностью и взаимосвязанностью, т. е. их системной организацией, возможны только при остановке движения. Однако, будучи в какой-то степени объективированной, фиксация речевого отрезка все же не становится текстом.

Существует ряд терминов, назначение которых — как-то определить понятие отрезка, большего, чем предложение. К ним относятся «сверхфразовое единство», «сложное синтаксическое целое» и ряд других. Одновременно с этим теоретическая мысль стремится найти адекватный термин для определения еще более крупных единиц речи. Появляются такие термины, как «дискурс» (discourse) в работах пражских лингвистов, «регистр» (register), предложенный эдинбургской школой и употребляемый довольно

¹⁹ См.: С. Чагдуров, О выразительности слова в художественной прозе, Улан-Удэ, 1959.

²⁰ А. В. Исаченко, О грамматическом порядке слов, ВЯ, 1966, 6; Н. Н. Амсова, О синтаксическом контексте, «Лексикографический сборник», V, М., 1962.

²¹ Е. Курилович, Опыт экстраполяции одного языкового закона, ВЯ, 1971, 3.

широко в работах так называемой неофирсовской школы, «высказывание» (utlerance), получившее свое терминологическое значение в ряде работ американских лингвистов. Все эти термины не однозначны и часто применяются к совершенно разнородным явлениям. Так, термин «регистр» совпадает с нашим термином «функциональный стиль»; термин «дискурс» в ряде работ однозначен с термином «регистр», в других работах имеет более широкое значение. Термин «высказывание» или совпадает с терминами «сверхфразовое единство» и «сложное синтаксическое целое», или употребляется в более специальном синтаксическом значении.

В последнее время термин «текст» завоевал себе право быть наиболее обобщенным выражением крупных, законченных речевых произведений. Под текстом Ю. М. Лотман понимает «... сумму структурных отношений, нашедших лингвистическое выражение»²². Это определение может в равной степени относиться и к предложению, и к сверхфразовому единству и не выделяет специфического качества данного объекта. Кроме того, в этом определении не учтен существенный параметр текста — семантический. Игнорировать смысловой параметр текста — значит свести понятие текста к нулю. Л. Долежел, наоборот, рассматривает текст как автономную семиотическую структуру²³.

Итак, текст — это продукт письменного варианта языка. Текст всегда имеет графическое воплощение. Он обладает своими параметрами, которые определяют его двойственной природой, состоящей в постоянной потенциальной возможности его прочтения. Текст находится одновременно в состоянии покоя и в движении. Представленный в последовательности дискретных единиц, текст находится в состоянии покоя, и признаки движения выступают в нем лишь имплицитно. Но когда текст воспроизводится (читается вслух или про себя), он находится в состоянии движения, и тогда признаки покоя проявляются в нем лишь имплицитно. При чтении текста происходит перекодирование сообщения. Сигналы кода, рассчитанные на восприятие глазами, трансформируются в слуховые сигналы, не полностью утрачивая характеристики первого кода. Интересно взаимоотношение этих двух кодов в драматургии, где происходит особого рода транспонирование письменного кода в устный.

Устная речь всегда конкретна, однозначна, преднамеренно убеждающа, интонационно недвусмысленна, субъективно актуализована. Текст — наоборот — абстрактен, не однозначен, интонационно многопланово оформлен (и то имплицитно!) и может быть подвержен различной интерпретации, хотя все же в пределах, объективно предопределенных закономерностями письма. Приведу кое-то меткое замечание о различии применения устного и письменного кодов: «Когда в руках перо, пусть ухо будет глухо, а зрение — остро».

Чтобы создать хотя бы приближенную модель текста, необходимо определять его основные единицы. Если применить принцип изоморфности языковых структур, можно сказать, что как для предложения основными единицами являются слова в их формально-структурном и семантическом отношениях, как для сверхфразовых единств (сложных синтаксических целых) или абзацев единицами являются предложения, так и для текста структурными единицами являются сверхфразовые единства и абзацы. Рассматривать эти единицы как текст значит еще больше запутывать и затемнять этот термин. Трудность определения сверхфразового единства не

²² Ю. М. Лотман, Анализ поэтического текста, Л., 1972, стр. 33.

²³ L. Doležel, Toward a structural theory of content in prose fiction, сб. «Literary style: a symposium».

должна снимать необходимости его рассмотрения в качестве основной единицы текста²⁴.

Пока формальные характеристики текста не установлены, важно найти конституирующие единицы текста. Наличие крупных синтаксических единиц подтверждается хотя бы тем фактом, что в нашем сознании при восприятии текста постепенно вырисовываются какие-то признаки, наличие которых дает возможность схватывать целостность текста и даже в отдельных случаях предвидеть появление определенных структур при поступательном движении текста. Вчитываясь в более или менее однотипные тексты, мы начинаем улавливать структурные особенности каждого данного текста и характер этих особенностей, и, таким образом, понимание его содержания облегчается.

Многие исследователи стремятся определить эти структурно-семантические параметры текста. Ц. Тодоров, например, различает три аспекта текста: вербальный, синтаксический и семантический²⁵. Вербальный образуется конкретными предложениями, формирующими текст, синтаксический аспект определяется взаимоотношениями частей текста, а семантический аспект отражает глобальный смысл текста и определяет части, на которые смысл распадается.

Н. Э. Энквист сводит лингвистические параметры текста к трем основным — *topic* (тема), *focus* (фокус) и *linkage* (связь)²⁶. *Topic* — это главная тема текста, его основное содержание. Термин *focus* служит для выделения маркированных элементов текста (слова, словосочетания, фразы, предложения). Фокус, пишет Энквист, дает о себе знать через множество фонологических, лексических и синтаксических приемов. Наконец, *linkage* — это средства объединения различных отрезков высказывания. Среди других параметров текста некоторые выделяют позиционный, т. е. порядок следования отдельных частей текста, другие подчиняют этот признак логическим отношениям между отрезками²⁷. Л. Должел среди основных параметров текста называет мотив (*motif*) — главное содержание, которое проходит в разных формах через весь текст (произведение). «Текст, — пишет он, — это функция времени»²⁸. Этот темпоральный аспект текста реализуется последовательным развертыванием симметрии, параллелизмом, градацией, контрастом и прочими средствами, обеспечивающими осознание мотива текста.

Это краткое перечисление точек зрения на единицы текста показывает, что исследователи сходятся во многом. Однако важно не только выделить сами единицы текста и не только дать им адекватное терминологическое обозначение, но и определить те отношения, в которые эти единицы вступают между собой в процессе формирования текста. Появляется необходимость ввести еще одно понятие — понятие релятивности. Когда отдельное предложение находится в своем нормальном окружении, оно перестает быть изолированной единицей, его жизнь уже зависит от окружения, поскольку это предложение становится частью более крупного целого. Такое предложение обретает имплицитные (а часто и эксплицитные) черты зависимости от окружения. Более того, оно часто теряет самостоятельное значение, которое имеет в изолированном виде, оно становится единицей пись-

²⁴ Ср.: K. H a u s e n b l a c h, On the characterization and classification of discourses, сб. «Travaux linguistiques de Prague», 1964, стр. 51.

²⁵ Т. Т о д о р о в, The place of style in the structure of the text, сб. «Literary style: A symposium», стр. 32.

²⁶ N. E. E n k v i s t, Style in some linguistic theories, сб. «Literary style: A symposium», стр. 57.

²⁷ См.: J. C u l l e r, Jakobson and the analysis of literary texts, сб. «Style and language», I, 1, 1971, стр. 64.

²⁸ L. D o l e ž e l, указ. соч., стр. 96.

менного кода и как таковое значимо лишь в системе данного кода. Таким образом, текст представляет собой, используя терминологию теории информации, сообщение, в котором снимается энтропия, порождаемая отдельным предложением.

Конечно, встречаются такие предложения, которые в силу своих семантических свойств (например, обобщенно-философское суждение) не полностью теряют свою самостоятельность и в этом случае сами значительно влияют в семантико-структурном плане на свое окружение. Это — сентенции, афоризмы, парадоксы и другие формы обобщенно-философской мысли. Однако и их самостоятельность в значительной степени относительна: они почти всегда ориентированы на окружение.

Релятивность является обязательным признаком текста еще и потому, что она обеспечивает необходимую долю избыточности, столь существенную для языка в действии. Известно, что избыточность как бы встроена в структуру языка и имеет свое конкретное воплощение в речевом процессе. В тексте избыточность приобретает особые качества, отличные от избыточности в живой речи. Характерной чертой избыточных форм в тексте является их соотношенность с основной информацией.

Если в качестве единиц, конституирующих текст, признать сверхфразовые единства, то в связи с введенным признаком релятивности возникает необходимость различения таких единств с точки зрения их отношений друг к другу.

В предложении предикат обычно выражается словом или словосочетанием, несущим в себе основное содержание высказывания; в сверхфразовом единстве предикативным обычно является какое-то одно, существенное (семантическое) предложение (*topic sentence, motif, focus* и т. д.); точно так же в тексте, взятом в абстракции, некоторые сверхфразовые единства являются предикативными по отношению к другим. Таким образом, единицы текста не равнозначны по степени своей информативности. Наибольшей степенью информативности обладают те сверхфразовые единства, которые мы будем называть предикативными, наименьшей (вплоть до нулевой) — те, которые мы будем называть релятивными.

Предикативные сверхфразовые единства в некоторых типах текста занимают начальное положение и в таких случаях часто проявляют тенденцию к итеративности, прямой или синонимической. В других типах текста предикативные сверхфразовые единства располагаются в середине или в конце текста. В этих случаях их итеративность может и не проявиться. Релятивные сверхфразовые единства обычно выступают в качестве подспорья к предикативным (ср., например, описательные единства). Они характеризуются избыточностью информации, важной для любого типа текста.

Соотношение предикативных и релятивных сверхфразовых единств текста меняется в зависимости от типа текста (resp. функционального стиля языка). В поэтических текстах релятивных сверхфразовых единств почти нет. В драматургических они превалируют над предикативными. В текстах художественной прозы их соотношение колеблется в зависимости от целого ряда причин — индивидуальной манеры автора, литературных канонов, жанра произведения и других.

Текст как целое обладает собственной предикативностью, отличной от предикативности входящих в него компонентов. Грамматика текста настоятельно требует определения параметров, по которым можно составить представление о предикативности текста. Традиционная стилистика пыталась путем сжатия текста получить его основное (предикативное) содержание, но проводилось это чисто эмпирически, а именно — сведением текста к одному-двум «ключевым» предложениям (фр. *résumé*

precis или англ. summary). В конечном итоге, и в тезисах докладов представлено стремление снять избыточность и свести текст к его предикативным сверхфразовым единствам.

Существенное значение для понимания лингвистической природы текста имеет порядок следования релятивных и предикативных сверхфразовых единств и разнообразные типы связи между ними. Единство текста может быть нарушено при изменении порядка следования, так как нередко такое изменение может повлечь за собой переосмысление связей между предикативными сверхфразовыми единствами. Типы связей, если не считать эксплицитно выраженных союзами и союзными предложениями, еще мало разработаны, а они в большинстве случаев и определяют цельность и логическую завершенность текста²⁹.

Важным смысловым параметром художественного текста, в отличие, скажем, от текста деловых документов, является модальность, понимаемая в самом широком смысле слова. В текстах этого типа, а также в текстах публицистических и даже некоторых научных проявляется в большей или меньшей степени отношение автора к сообщаемым фактам. Языковые средства, обеспечивающие эксплицитное выражение модальности, весьма разнообразны. В тексте как в целостной системе эти средства не ограничены отдельными словами и предложениями. По этому модальность текста коренным образом отличается от модальности предложения и модальности сверхфразового единства. Если модальность предложения эксплицитно выражена лексическими или грамматическими средствами, если модальность сверхфразового единства выражена, кроме этих средств, и ремарками автора, то модальность текста выявляется в сложных взаимоотношениях релятивных и предикативных сверхфразовых единств.

Значительную роль при выявлении модальности текста играет система стилистических приемов литературной обработки, в особенности средства образности, эпитеты, повторы и др. и более глубокий анализ энтропии семантических элементов, разбросанных в тексте и не всегда доступных декодированию.

Для того чтобы создать типологию текста, необходимо также учесть два взаимосвязанных подхода к анализу текста. Первый подход — индуктивный, т. е. рассмотрение отдельно взятого сверхфразового единства в его потенции служить компонентом текста. В этом случае к каждому сверхфразовому единству применяется структурный, семантический и особенно трансформационный анализ с целью обнаружения имплицитных связей с другими сверхфразовыми единствами. После такой операции представляется необходимым выявить окружения данной единицы — как непосредственно прилегающие к ней, так и дистантные, релевантные для правильного ее понимания. Второй подход — дедуктивный, т. е. рассмотрение текста, внутри которого подвергаются анализу отдельные сверхфразовые единства как его звенья, причем рассмотрение каждого из них предполагает те же операции, что и при первом подходе, однако с позиций целого текста. При анализе крупных текстов происходит совмещение того и другого подхода. Сверхфразовое единство представляет собой замкнутую структуру (даже при наличии в нем деиктических элементов). Текст не обладает параметром «замкнутости», и его сконцентрированность, компактность и целостность все же оставляет его «открытым».

²⁹ В цит. работе С. Д. Кацнельсона к средствам связи относятся также слова и выражения, несущие функцию темпоральной организации текста: *сначала, потом, ранее, позднее, много времени спустя, незадолго до этого*; функцию логической организации текста: *поэтому, при этом условии, однако, во-первых* и т. д.; сюда можно добавить и средства, указывающие на пространственную связь: *а там, за перелеском, внизу, поодаль, в отдалении* и т. п.

Понятие «открытости» текста выводится из тех основополагающих принципов теории информации, которые значительно обогатили наши представления о языке как средстве коммуникации. Если предложение, рассматриваемое как компонент сверхфразового единства, теряет свою самостоятельность и лишается своей «замкнутости», если в свою очередь сверхфразовое единство как компонент текста также теряет свою «замкнутость», то текст остается открытым потому, что он не является конститутивной единицей какого-то еще более высокого уровня языковой структуры. Предельность текста, очевидно, тоже может быть установлена. Фактически она установлена для некоторых типов текста: статьи, рассказа, делового письма и пр. Беспредельных текстов не существует, однако масштабность текстов требует иных, еще не совсем определенных методов анализа. Кто-то из математиков сказал, что необычные масштабы рождают необычные идеи. Будем надеяться, что наша наука найдет лингвистически обоснованные, а значит объективные, методы анализа текста как графически воплощенного, особого речетворческого произведения.